

О «маленьких», но великих людях

Илья ГРУЗДЕВ

ЕЩЕ в 1927 году Алексей Максимович Горький сообщал в письмах, что хочет создать книгу о новой России. Он не успел написать эту книгу. Но все его работы последнего времени говорят о том, что замысел этот волновал писателя. В одном из писем из Сорренто мы читаем: «Мне хочется написать книгу о новой России. Я уже накопил для нее много интереснейшего материала... Это — серьезнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся от волнения».

Его очерки «По Союзу Советов» были как бы этюдами к задуманной книге, «Рассказы о героях» — отдельными ее картинами. Полотер Заусайлов, герой гражданской войны; батрачка Анфиса, ставшая активным строителем социалистического хозяйства в деревне; молодой парень, вернувшийся из Красной Армии и организующий колхоз, — все эти герои были, по словам Горького, «маленькими», но великими людьми.

В материалах, подготовленных для шестого тома «Архива А. М. Горького», имеются отрывки и наброски такого же характера.

В отрывках этих изображены герои гражданской войны, люди разных возрастов, чаще — молодые. Один из них говорит: «Жизнь не особо интересная, обыкновенная жизнь. У нас ребята моих лет все с этого начинали». С шестнадцати лет рассказчик пошел добровольцем в Красную Армию, там направили его на территорию, занятую белыми, с поручением. Рассказывает, как его узнали в городе, как он вступил в драку, как его арестовали. «Бьют они, а вам скажу, так, что даже вспомнить противно...». Конца этого рассказа нет.

В одном из набросков речь идет о 1919 году. На Петербург наступает Юденич. Лежат под Пулковом человек тридцать... Вдруг с левой стороны танк, «особнячок эдакий мнет кусты...». Ребята начали уходить, ползут прочь. Вот тут парнишка один и объявился. Стойте, товарищи, кричит, — вперед! «И пошел первый, за ним еще человек десяток, ну, конечно, вреда этому ломик не принесли, отступить от него пришлось... Тогда товарищ один и говорит мне:

— Парнишка-то какой, а?

— Да, говорю, парнишку надобно приметить.

Однако потерялся он, мы даже имя не успели спросить...».

Среди других набросков особенно интересен отрывок под названием «Перемещение разума». Рассказывает о своем прошлом сторож: «В гражданской войне, милый мой, воевать замечательно просто: в гражданской — знаешь, кого бьешь и за что его бить надо. А царская война, империалистическая значит, — это дело темное, т. е. теперь-то я понимаю, что, наоборот, вполне ясно подлое дело, а ту пору я по первому разу воевал, так чего поймешь?...».

Рассказывает, как после одного успешного наступления «очухался» он. Набрали пленных громадное число, и все такие же солдаты, «такая же безмолвная сволочь, вроде меня и всех наших». Стал кричать на них. «Что же вы, — говорю, — делаете? Куда это вы лезете, каких дураков, сукиных детей слушаете?... Вы бы — говорю — дурацкое ваше начальство истребили — вот что, —

говорю. Разве можно дуракам подчиняться?..

А тут солдатик один, питерец, гвоздарь, и ввязался: «Луковников, да ты же большевик!». Это почему, говорю... А солдат и объяснил ему, почему это он, Луковников, «озлился» и кричал. «Он рассказывает, а я понимаю: верно! Вот-те-на! — думаю... Как же это я? Н-да... — Ну, солдат этот прибрал меня к рукам и обстрогал под человека. С той поры времени я и пошел большевиком на всю гражданскую». До 1923 года воевал, а потом болезни одолели. Все-таки: три раны, да в плену был, избили до полусмерти, да тиф, два раза — «это, хоть кому, на всю жизнь хватит!».

Этот рассказ тоже, несомненно, из того же цикла о «маленьких», но великих людях.

И еще один набросок: «Рассказ о Ефиме Заботкине, сверкающем человеке». Является Ефим Заботкин в казарму, весь сверкает в ремнях, медными пуговицами обшит. И начинает речь: давайте отечество спасать от немцев.

Встал здесь солдат один и говорит: «Врет гражданин Заботкин, они, говорит, Заботкины, немцев не боятся, они немцам Ригу сдали для того, чтобы рабочий народ взнуздать, они, говорит, с немцами в одну игру играют против рабочих и бедных крестьян. Нужно, говорит, такое отечество, чтобы вся земля — крестьянам, и все фабрики — рабочим, и вся власть — им, а вот эдаких блестящих — к чертовой матери со всеми их ремнями и пуговицами...».

Так из рассказа в рассказ проходят перед читателем «маленькие», но великие люди.

Все эти наброски нужно отнести к циклу «Рассказов о героях». Так думать заставляет меня следующий эпизод. Я как-то спросил Алексея Максимовича, почему только три «Рассказа о героях» включены в книжку 1932 года. Он ответил, что много материала у него для толстой книги, а пока выпускает книжку, чтобы не задерживать рассказы. И он стал говорить о героях гражданской войны, незаметных людях, а на самом деле — героях. Я не помню всех его рассказов, помню только, что очень интересно рассказывал. Но вот о Заботкине, сверкающем человеке, помню хорошо. Очевидно, Алексей Максимович готовил большую книгу «Рассказы о героях» как одну из книг о советской жизни.

То, что Горький работал над книгой о советской жизни, в которой действовали бы незаметные люди, исполняющие великую миссию преобразования страны, свидетельствует еще один факт. В 1917 году он написал такую сцену. Бородатый солдат, с железным котелком на голове, с винтовкой за плечом, в драхлой, вытертой шинели, стоял на улице, окруженный толпой человек в полтора. Толпа кричала на него, а он спокойно говорил:

«— И насчет большевиков — вранье. Это потому врут, что трудно понять, как это люди, против своего интереса, советуют рабочим и кре-

стьянству брать власть в свои руки. Не бывало этого, оттого и непонятно, не верится, на ихнее горе...».

В ответ на насмешки солдат начал говорить, надвигаясь грудью на людей, размахивая рукой:

«И я тебе, господин в шляпе, прямо скажу: землю мы обязательно в свои руки возьмем, — обязательно! И все на ней перестроим...».

— Круглая будет, как арбуз, — насмешливо вставил другой господин, в кепке.

— Будет! — утвердил солдат.

— Горы-то сроешь?

— А — что? Помешают, и горы сроем.

— Реки-то вспять потекут?

— И потекут, куда укажем. Что смеешься, барин?..

Дома я записал эту сцену так, как воспроизвожу ее теперь здесь. Я берег ее, надеясь использовать в конце книги, давно задуманной мною. Мне для конца книги очень дорог и важен этот солдат, в котором проснулся человек — творец новой жизни, новой истории... Если он жив, не погиб на фронтах гражданской войны, он, вероятно, занят каким-нибудь простеньким делом наших великих дней».

Этот образ волновал Горького все время, когда он вглядывался в советскую действительность. Не трудно видеть, что «бородатый солдат» в пьесе «Достигаев и другие» является тем же образом. «Бородатый солдат» — эпизодическое лицо, но крайне важное для Горького.

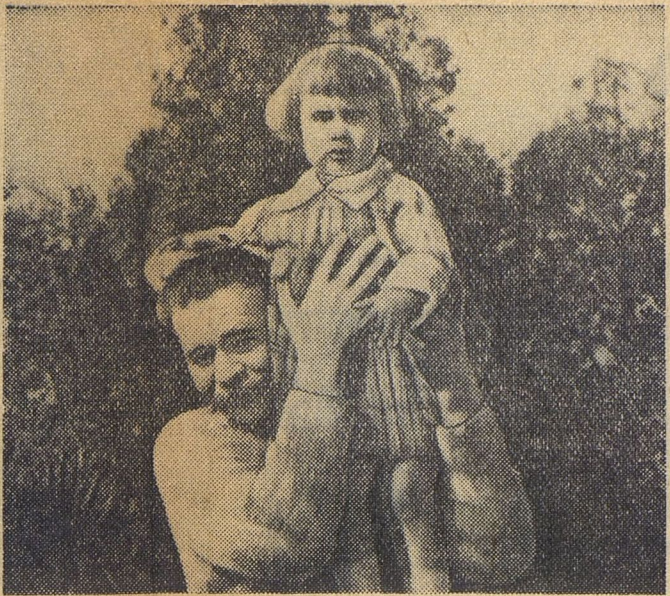
Горький в беседе с актерами после одной из репетиций так говорил о «бородатом солдате»:

«Его надо сделать отчетливо. Он эпический солдат. Черт его знает чего он ни видел на своем веку, он был и конюхом, он не то, что понял что-то, но он почувствовал. Всем своим существом почувствовал. «Вот что надо делать». Это типичный человек того времени... Он прошел путь от 6-го года. В 12-м году ленинский расстрел, видел, как страдали товарищи, массы страдали. Это какой-то массовый человек, палец какой-то руки. Я не хочу сказать, что он исторически чувствовал эту боль, но лично чувствовал. Так что ему особенно беспокоиться, особенно говорить не нужно, он говорит спокойно, он злорадоваться не будет, но и жалеть не будет. Если нужно, то и сам расстреляет...».

Вот какой эпической фигурой кончается пьеса «Достигаев и другие».

И, наконец, в третий раз в конце «Жизни Клима Самгина» показан солдат, который в Таврическом дворце в первый день Февральской революции среди гвалта, гомота, толкотни и беспорядка сидел на полу и починал пулемет. Он не обращал ни на что внимания, а усердно занимался пулеметом, держа его между ног. Это было как бы предвестие боев за Октябрьскую социалистическую революцию.

Так Горький пристально вглядывался в «маленьких», но великих людей. Какой урок нашим писателям, часто направлявшим силу своего таланта на возвеличивание отдельных личностей вместо правдивого показа усилий народа, партии! Горький противопоставлял культу личности показ «маленьких», но великих людей, тех незаметных героев, жизни которых он хотел посвятить целую книгу.

А. М. Горький с внучкой (кинокадр из фильма, хранящегося в Центральном государственном архиве кино-фото-документов СССР).

187